

ЭПИЗОДЫ ИЗ ИСТОРИИ РАННИХ РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
— О НЕСКОЛЬКИХ РУССКИХ ПЕСНЯХ, ПРИВЕЗЕННЫХ
В ЯПОНИЮ В XVIII И XIX ВВ.¹ —

ЁСИКАДЗУ НАКАМУРА²

Ряд законов закрытых дверей, которые издало японское феодальное правительство сёгуна *Токугава* в 30-х гг. XVII в., запрещал всем японцам под угрозой смертной казни выезжать за границу, и вести торговлю с иностранцами, за исключением маловажных сделок с голландцами и китайцами в единственном тогда открытом порту Нагасаки. Сёгунат, при помощи этих законов, стремился уничтожить христианство, быстро распространявшееся в то время среди высших и низших слоев населения Японии: христианские идеи нашли отражение в крупных крестьянских восстаниях. Политика изоляции от внешнего мира была в силе в Японии более двух столетий до тех пор, пока страна не заключила договоры о дружбе и торговле с США и Россией в первой половине 50-х гг. XIX в.

Какие выгоды и невыгоды принесла японскому народу политика закрытых дверей — это предмет бесконечных научных споров и дилетантских догадок в исследовании по истории этой страны. Один из несомненных результатов этой политики состоит в том, что она возбудила в передовых людях Японии все более сильную жажду в свежих сведениях, хотя бы самых отрывочных, о внешнем мире, в частности, о развивающихся быстрым темпом европейских странах. Они старались пользоваться всякой возможностью, чтобы побольше узнать и о своем сильном северном соседе — России. Жесточайший запрет не может подавить тягу человека к знаниям.

В период правления сёгуната *Токугава*, т.е. с XVII в. до половины XIX в., информация о России доходила до Японии в основном тремя путями. Во-первых, со второй половины XVIII в. существовали иногда мирные, иногда не мирные сношения на островах Курильских, Сахалине и Эдзо (теперь Хоккайдо) между японцами и русскими, при посредстве или

¹ На одинаковую тему автор написал следующие статьи на японском языке: Ару росиа каё но рэкиси — иваюру “София но ута” ни цуйтэ (История одной русской песни — о так-называемой “песне Софьи”), *Гэнго бунка*, № 3, Токио, 1966, стр. 25–55; Оросия боньодори ута ко (О русской *бонской* песне), *Иккё ронсо*, т. 60, № 1, Токио, 1968, стр. 37–46; Охоцуку но итикоё (Одна старинная песня в Охотске), *Иккё ронсо*, т. 62, № 5, Токио, 1969, стр. 106–114.

² Экстраординарный профессор (*Докуюси*) русского языка и русской литературы Университета Хитоцубаси, Токио. Автор обязан Татьяне Борисовне Номура за помощь в составлении настоящей статьи на русском языке.

без посредства айнов.³ Во-вторых, потерпевшие аварию моряки, унесенные волнами буйного Тихого океана на Камчатку или на Алеутские острова, возвращались домой с непосредственным опытом жизни в Сибири и в России. В-третьих, русские посланцы, которые посетили Японию несколько раз с конца XVIII в., знакомили японцев с русской культурой. Сверх того, нагасакские голландцы изредка ввозили западные книги о России.

Благодаря этим обстоятельствам, накануне открытия страны во второй половине XIX в., *Оросия* (так называли японцы Россию тогда) была одной из самых известных и наилучше изученных зарубежных стран в Японии.

Русские песни, привезенные в Японию в XVIII и XIX вв., прекрасные цветы, расцветшие на почве дружбы между двумя соседними народами.

1. Русская *бонская* песня

Интересно, что первая песня, которую русские принесли в Японию, была японская песня. Один из самых ранних выдающихся фольклористов Японии, Сугаэ Масуми (1754–1829) слышал ее своими ушами, и записал в свой сборник народных песен *Хина но хитофуси (Пасторальные мелодии)*, составленный в 1809 г. Приведем ее, как записал ее Сугаэ японской азбукой:

Росия бури одори ута

*Ёмэ во торо нара нихон но ёни мэгуро камигуро тору га ёй. Саахара саахара саахара саахара.*⁴

Дословный перевод на русский язык:

Танцевальная песня на русский манер

Если нам жениться,
Возьмем замуж за себя
Черноглазую и черноволосую
Как (девушка) японская.
/Сахар, сахар.../

Составитель замечает, что припев *саахара* значит сахар по-русски, и далее снабжает

³ Жертвой одного из таких не мирных прикосновений явился капитан В. М. Головин, которого задержали японские власти в Мацумаэ (Хоккайдо) в 1811–1813 гг. Перед своим возвращением на родину он составил для японских переводчиков краткую грамматику русского языка, где, в частности, процитировал стихотворные произведения М. В. Ломоносова (“Ода, выбранная из Иова...”), Г. Р. Державина (“На взятие Измаила”), а также Н. А. Львова.

⁴ Сборник народных песен Сугаэ Масуми долго сохранился в рукописи. Но он переиздавался многократно в XX в. Факсимиле вышло в 1930 г. Новейшее издание—Т. Утида и Ц. Миямото (ред.), *Сугаэ Масуми юранки (Путевые заметки Сугаэ Масуми)*, т. 4, Токио, 1967. (Песня “Росия бури одори ута”, см. стр. 264). Та же самая песня помещена вместе с подробными объяснениями и в другом сочинении Сугаэ, *Фудэ но мани мани (Игра пера)*, составленном в 1824 г. См. Т. Утида (ред.), *Сугаэ Масуми микан бункэн сю (Неизданные материалы Сугаэ Масуми)*, Токио, 1954, стр. 141.

песню длинными объяснениями:

Некогда один русский, *Тэмэтэрэраякофуэки* по имени, отнесенный ветром по морю, приехал в Фукуяма и услышал, что в Сай, родном крае его родителей, во время праздника *бон*, милостивые девушки собираются еженощно, поют и танцуют с такой веселостью, что нельзя ни сказать, ни описать. Потом молодежь в той стране, тоскуя по родине, сочинила песню и начала танцевать в подражание играм родных краев — так говорят моряки, часто переплывающие по морю на далекие острова.⁵

Фукуяма — старое название города Мацумаэ, административного центра острова Эдзо, где находился замок Мацумаэского клана. Сай — порт на краю полуострова Симокита, стоящий лицом к о. Эдзо через пролив Цугару. *Бон* — величайший праздник буддистов, когда, по их верованиям, души умерших родственников возвращаются домой. Во время этого праздника (15 июля), на площадях в городах и селах собираются много народу и все, без различия пола и возраста, веселятся *бонскими* танцами в память о покойных родных.

В вышеприведенных объяснениях встречается несколько ошибок и неясностей. *Тэмэтэрэраякофуэки*, т.е. Дмитрий Яковлевич, по фамилии Шабалин, был иркутским купцом, приезжал на Эдзо несколько раз, но никогда не был туда отнесен ветром. Притом очень сомнительно, чтобы он был сыном японского моряка из с. Сай. Тоже неясно, кто “молодежь,” когда и где “в той стране” сочинили русскую *бонскую* песню.

Согласно историческим источникам, летом 1778 г. Д. Я. Шабалин, по поручению крупного якутского купца П. С. Лебедева-Ласточкина, прибыл с товарищами в гавань Ноккамапу на восточное побережье о. Эдзо и передал самураям-чиновникам клана Мацумаэ письмо коменданта Камчатки М. К. Бема с просьбой установить торговые отношения. Японцы не дали ответа, но предложили ему явиться за официальным ответом в следующем году. Летом 1779 г., русские с *передовщиком* Шабалиным во главе, снова приехали в Аккэси недалеко от Ноккамапу на о. Эдзо и встретились с Мацумаэскими чиновниками. Японцы угостили русских и обменялись с ними подарками (среди подарков от русских был и сахар), но отказали им в предложении об установлении торговых отношений, ссылаясь на закон сёгуна, запрещающий иностранцам посещать японские порты.⁶

Группа Шабалина состояла из 33 человек в 1778 г., и 45 в 1779 г. К их числу принадлежали в качестве переводчиков И. Антипин и А. Очередин. Они были когда-то учениками сибирской школы японского языка. В той школе преподавали японские моряки из с. Сай. По моему предположению, Антипин и Очередин передали японским чиновникам и купцам, работающим на восточной пограничной заставе на о. Эдзо, песню “Ёмэ во торо нара”, которую пели японцы в Иркутске в 50-х и 60-х гг. XVIII века.

Почему и какие японцы жили в Иркутске в середине XVIII в.?

Зимой 1744 г. из гавани Сай на самом севере о. Хонсю Японии, отплыло торговое

⁵ Т. Утида и Ц. Миямото, *указ. соч.*, стр. 264.

⁶ О переговорах в 1778 и 1779 гг. между японцами и русскими, см. Э. Я. Файнберг, *Русско-японские отношения в 1697–1875 гг.*, М., 1960, стр. 37–39, тоже G. Lensen, *The Russian Push toward Japan*, Princeton, 1959, p. 89–95. Картина, рисующая встречу самураев с русскими в Аккэси в 1779 г., хранится в библиотеке Гёттингенского университета (так-называемый Asch-Sammlung № 283).

судно. Вскоре после отправления это судно, застигнутое бурей, потерпело крушение у пятого острова Курильской гряды. Семь моряков, капитан Такэути Токубэй в том числе, погибли, а остальные десять человек высадились на берег в следующем году. Они были переправлены на Камчатку, и по приятии крещения, доставлены в Якутск. Из Якутска пятеро японцев призвали в Петербург для того, чтобы учить их русскому языку и подготовить их к преподаванию японского языка в школе, открытой в столице в 1736 г. В 1754 г. школа была перемещена в Иркутск, и с ней три японские учителя вернулись в Сибирь (два другие умерли в Петербурге). Японцы, оставленные в Якутске, приехали в Иркутск и присоединились с земляками. В 1760 г. семь японцев преподавали свой родной язык в школе и учеников у них насчитывалось пятнадцать. И. Антипин занимался японским языком с 1757 г., а А. Очередин начал учить несколько позже. В 1767 г. еще пятеро японцев оставалось в живых, но Антипин уже ушел на Камчатку, где он служил передовщиком на судне и переводчиком японского языка. Очередин тоже отправился туда в 1771 г. и стал рулевым.⁷

Известный этнограф и исследователь Сибири И. И. Георги, который познакомился с японцами в Иркутске, пишет в своих путевых записках: “Кроме как на нескольких праздниках, когда пьют и развеселяются, вообще они [японцы—Ё. Н.] живут мирно, спокойно и честно, и служат усердно”.⁸ Может быть, моряки из Сая, и после того, как они были обращены в христианство, не совсем отреклись от буддийских обычаев: каждый год, должно быть, во время праздника *бон* в июле они собирались в праздных костюмах, и вспоминали родину, напевая песню “Ёмэ во торо нара”. Эта песня отражает типичную синлабическую структуру японской народной песни того времени /7-7-7-5/.

2. Песня Софьи

В начале 1789 г. другая партия японцев снова появилась в Иркутске. Это были тоже несчастные моряки, унесенные морем в дальние края Российской империи. Зимой 1783 г. грузовое судно Синсё-мару потеряло руль и мачту во время шторма по пути из Сироко в пров. Исэ (на середине о. Хонсю) в Эдо (теперь Токио). Оно было отнесено в открытое море, и после восьми месяцев блужданий по волнам, приблизилось к о. Амчитке Алеутского архипелага. Шестнадцать человек, оставшихся в живых на судне, высадились на берег, и спаслись от смерти. Тогда архипелагом с Аляской владела Россия и на о. Амчитке среди аборигенов работал приказчик крупного сибирского купца. Через четыре года, японцев взяли на Камчатку и потом в 1789 г. капитана Дайкокуя Кодаю и пять других моряков, переживших длительные мытарства, вывезли в Иркутск.

Кодаю не терял надежду во что бы то ни было вернуться на родину, и не раз подавал прошения иркутскому генерал-губернатору. Но русские чиновники, желая, чтобы японцы приняли русское подданство и служили учителями, преемниками моряков

⁷ О ранней школе японского языка в России, см. А. Сгибнев, Об обучении в России японскому языку, *Морской сборник*, СПб., 1868, № 12. Известно, что сын одного из сайских моряков составил в Иркутске двуязычный словарь. См. О. П. Петрова, “Лексикон” Русско-японский словарь Андрея Татарнинова, М., 1962; С. Мураяма, *Хёрюмин но гэнго (Язык унесенных моряков)*, Токио, 1965.

⁸ J. Georgi, *Bemerkungen einer Reise im Russischen Reise im Jahre 1772*, SPb., 1775, S.3.

из Сая в школе японского языка, задерживали их в Сибири. Наконец в начале 1791 г. Кодаю поехал в Петербург в сопровождении академика естественника К. Г. Лаксмана, своего патрона, для того, чтобы непосредственно добиться от правительства разрешения на возвращение в Японию. Благодаря хлопотам Лаксмана, Кодаю получил аудиенцию у Екатерины Второй в Царском Селе, и был пожалован разрешением.

По велению императрицы, поручик А. К. Лаксман, сын академика, доставил Кодаю и других двух моряков на о. Эдзо осенью 1792 г. (Остальные японцы, крестившись и приняв русские имена и фамилии, остались в Иркутске и работали учителями японского языка.) А. Лаксман, от имени генерал-губернатора И. А. Пиля, предложил японскому правительству установить торговые отношения, но был вынужден вернуться в Россию только с обещанием со стороны японцев продолжать переговоры.

Сёгунат признал Кодаю виновным в нарушении, хотя против воли по стихийной причине, государственных законов о закрытых дверях, и после строгих допросов, запрещая ему видаться даже с родными, держал его под надзором в Эдо до 1828 г., когда он умер.⁹

Само собой разумеется, его не оставляли в покое жаждавшие сведений о внешнем мире японские интеллигенты, в особенности, своего рода западники, называвшиеся *рангакуся*, т.е. голландоведами в отличие от *кангакуся*, т.е. китаеведов. Один из самых выдающихся *рангакуся* того времени, Кацурагава Хосю, который был дворцовым врачом сёгуна, сблизился с Кодаю и с его помощью составил многотомную книгу *Хокуса бунряку* (*Краткие сведения о скитаниях в северных водах*), излагающую испытания Кодаю и его товарищей, начиная с кораблекрушения и кончая возвращением на родину, и также его наблюдения и сведения о разных сторонах русской жизни. В девятой главе “Дзассай” (Смесь) этой книги, мы читаем следующий параграф:

Сохия Иваноуна, младшая сестра *Буси*, сочинила о прошедшей жизни Кодаю, и распространила ее. Эта песня, говорит Кодаю, стала модной по всей столице. Ее слова так:

*Аха сукусино мэня нацудзои суторонэ фусэ нэмиро фусэппосутэро доругамэ-
рованэто доругамэрованэто нагирэтэратэ янасивэта титоппиваро утэсяро вотому
пураттино.*¹⁰

Можно легко узнать, что *Сохия Иваноуна* — Софья Ивановна, и *Буси* — Буш. О. И. Буш был другом К. Лаксмана и садовником дворцовых садов в Царском Селе, у которого Кодаю жил с мая по июль или август 1791 г. в ожидании приема у Екатерины Второй. Для разбора слов песни, записанной японской азбукой *катакана*, надо сказать

⁹ Наилучшие работы о жизни Кодаю — Т. Камэй, *Дайкокуя Кодаю*, Токио, 1964, его же, *Кодаю но хирэн* (*Несчастливая любовь Кодаю*), Токио, 1967.

¹⁰ Т. Камэй (ред.), *Хокуса бунряку*, Токио, 1937, (Фотографическое воспроизведение, 1965), стр. 267-268. По объявлениям, русский и английский переводы этого сочинения выйдут с свет в ближайшем будущем. Кроме *Хокуса бунряку*, немало книг, основанных на рассказах Кодаю, появилось в конце XVIII в. и в начале XIX в. Рукопись одной из этих книг хранится в Москве в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Фотокопии этого документа с переводом на русский язык, комментариями и исследованием опубликованы в СССР: В. М. Константинов (ред.), *Оросиякоку суймудан* (*Сны о России*), М., 1961. До нас дошли и словари русского языка, составленные Кодаю самим, или его близкими: см. Т. Камэй, С. Мураяма (ред.), *Росия модзи сю* (*Собрание русских слов*), Токио, 1967.

несколько слов об особенностях японского языка и его слоговой азбуки. Японский язык не знает звуков согласных *л*, *ч*, *ж* и *ш*, которые транскрибируются буквами, выражающими приблизительные звуки. Все буквы, кроме той, что выражает *н*, представляют собой целые слоги, другими словами, включают в себя гласные звуки. Звуки *е* и *э*, *зи* и *дзи*, хотя имеют разные знаки, обычно не различаются в произношении. Звонкость согласных иногда игнорируется в знаках. Особенно *б* нередко искажается в *п*, или наоборот.

В 1961 г. советский исследователь японской истории В. М. Константинов выдвинул опыт реконструкции песни. Покажем ее с одним маленьким поправлением.

Ах, скучно мне
 На чужой стороне:
 Все не мило,
 Все постыло,
 Друга милого нет!

 Друга милого нет,
 Не глядела-б я на свет!
 Что, бывало,
 Утешало,
 О том плачу я.¹¹

Никаких материалов нет о Софье Ивановне Буш, которую Кодаю называет сочинительницей песни. И В. М. Константинов несколько не сомневается в утверждениях Кодаю, что песня была создана именно ей.¹² Но правда ли это?

В *Новом российском песеннике*, изданном в 1790 г. в Петербурге, мы находим песню, очень близкую по содержанию и выражению к *песне Софьи*. Она начинается так:

Ах! грустно мне
 На чужой стороне!
 Все не мило,
 Все постыло,
 Со мной милоя нет.

 Здесь милой моей нет.
 Постыл мне белой свет;
 Что бывало,
 Утешало
 Теперь плачу о том.¹³

¹¹ В. М. Константинов, Первая русская песня в Японии, *Новый мир*, М., 1961, № 5, стр. 279–280. В его реконструкции, вторая строка второго куплета — *Не глядел бы я на свет!*

¹² В. М. Константинов, указ. соч. и его же, На заре русско-японских отношений, *Международные связи России в XVII–XVIII вв.* М., 1966, стр. 477.

¹³ *Новый российский песенник, или собрание любовных, хороводных, пастушьих, плясовых, театральных, цыганских, малороссийских, казацких, святочных, простонародных, и в настоящую войну на поражение неприятелей и на разные другие случаи сочиненных 145 песен*, СПб., И. К. Шнор, ч. 1, Изд. 2-е, 1791. (1-е изд., 1790), стр. 28. Песня эта нумеруется № 24, и составляет собой “ответ” на предыдущую песню № 23 “Ах, тошно мне/На своей стороне!/ Отъезжаешь/ Покидаешь/ Мил сердечной меня.../”

Во второй части того же самого *Песенника*, которая вышла в свет в следующем году, т.е. в 1791 г., когда Кодаю, приехавши в Петербург из Иркутска, пробыл в столице более полугода, публиковалась другая песня, почти дословно совпадающая с той, которую Кодаю взял с собой на родину, а именно:

Ах, тошно мне
На чужой стороне
Все не мило,
Все постыло
Друга милого нет.

Друга милого нет,
Не гляделаб я на свет,
Что бывало
Утешало
О том плачу теперь.¹⁴

В дальнейшем варианты этой песни включены в немало сборников народных песен, например, *Российскую Эрату* (1792 г.), *Песенник Герстенберга и Дитмара* (1797 г., где в первый раз публикуются ноты на песню.),¹⁵ *Новейший полный всеобщий песенник* (1816 г.) и т. п. Эта песня включена также в собрание сочинений поэта конца XVIII в. Ю. А. Нелединского-Мелецкого.¹⁶ Авторство его кажется мне несомненным.

Наверное, Софья Ивановна Буш была, как многие другие девушки, любительницей песен. И искренне сочувствуя в тяжелой судьбе оторванному от своей родины японцу, она пела песню “Ах, скучно мне на чужой стороне” для Кодаю, который жил в одном доме с ней. Песня как раз выражала душевное состояние Кодаю и его тоску по родине.¹⁷ Сам же он безошибочно понимал содержание песни и перевел ее стихами на японский язык. Его перевод помещен в *Хокуса бунряку* наряду с вышеприведенной транскрипцией песни азбукой *катакана*.

Может быть, Кодаю и пел эту песню в Эдо перед Кацурагава Хосю и другими близкими друзьями. Но к сожалению, она быстро погрузилась в глубокий мрак истории и о ее дальнейшей судьбе в Японии ничего не известно.

¹⁴ *Новый российский песенник ...*, ч. 2, СПб., 1791, стр. 65.

¹⁵ Устное указание Б. М. Добровольского, бывшего заведующего фонограмм-архивом Института русской литературы АН СССР, который пишущий эти строки посетил летом 1965 г. По мнению Б. М. Добровольского, мелодия песни “Ах, скучно мне на чужой стороне” восходит к той украинской народной песни “Ой, гай, гай, гай, гай, зелененький”.

¹⁶ *Сочинения Ю. А. Нелединского-Мелецкого*, СПб., 1850, стр. 10-11; *Полное собрание стихотворений Ю. А. Нелединского-Мелецкого*, СПб., 1901, стр. 13; *Поэты XVIII в.*, Л., Изд. 3-е, 1958, (Библиотека поэта, малая серия), стр. 374-375; *Песни и романсы русских поэтов*, М.-Л., Изд. 2-е, 1965, (Библиотека поэта, большая серия), стр. 127-128. Кстати сказать, К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев-Марлинский, переработав эту песню, написали революционную песню, направленную против крепостничества. См. Ю. Г. Оксман, Агитационная песня “Ах, тошно мне и в родной стороне” *Литературное наследство*, т. 59, *Декабристы-литераторы 1*. М., 1954, стр. 85-100.

¹⁷ По записям на полях японских книг, которые Кодаю оставил в Петербурге, Т. Камэй чудесно доказывает, что Кодаю тосковал по *милой* на родине во время своего пребывания в России. См. Т. Камэй, *Кодаю но хирэн*.

Спустя лет двадцать после возвращения Кодаю, русский капитан В. М. Головинн увидел в Мацумаэ на о. Эдзо веер, на котором была написана песня “Ах, скучно мне на чужой стороне”.¹⁸ Но сам владелец веера, должно быть, не знал, что там написано.

3. Охотская песня

Вопреки своему названию, Тихий океан не всегда безмятежное море. Он исстари был для японцев неисчерпаемым источником морских ресурсов, но временами этот щедрый океан приносил им и большие бедствия.

В начале 1839 г. парусное грузовое судно Тёдзя-мару потерпело аварию из-за сильного западного ветра в морях, недалеко от берегов северо-восточной области о. Хонсю. Экипаж судна, принадлежавшего купцу города Тояма в пров. Этю (ныне губ. Тояма), состоял из десяти человек, с капитаном Хэйсиро во главе. После пяти месяцев скитаний по волнам Тихого океана, семи морьякам, оставшимся в живых на судне без мачты и руля, посчастливилось встретиться с американскими китобойными судами, которые доставили японцев на Гавайские острова. Японские моряки мечтали скорей вернуться домой через Китай. Но как раз в то время между Англией и Китаем началась так называемая опиумная война, в результате чего все китайские гавани были закрыты. Японцы решили просить помощь у северного соседа — у русских. И в следующем году были перевезены английским торговым судном с Гаваи на Камчатку в Петропавловск. Тогда их было шесть. (Хэйсиро умер на Гаваи.) Сюда они прибыли в начале сентября 1840 г. Здесь они провели зиму, а в августе следующего года переправились из Петропавловска Камчатского в Охотск, где расположены были административные учреждения того района. Там они прожили также с год. Затем летом 1842 г. они переехали на Аляску в Ситку. Тогда вся Аляска была территорией России, и в Ситке находилась главная контора знаменитой Российско-Американской компании. Должно, охотские чиновники думали, что японцам лучше быть в Ситке, хотя она в несколько раз дальше от Японии, чем Охотск или Камчатка, потому что в полном распоряжении этой мощной компании всегда имелось много судов. Прозимовавши в Ситке, японские моряки выехали оттуда на русском бриге в апреле 1843 г., и были доставлены в конце июня на о. Итуруп, один из южных Курильских островов. Недоверчивое японское правительство, подозревая возвратившихся на родину в исповедовании христианства и шпионаже, держало их в столице Эдо пять лет. Здесь умерли два из шести моряков, выдержавших с большим трудом тяжелые испытания в чужих странах. Наконец в 1848 г., спустя лет десять после своего отъезда, остальные получили разрешение вернуться в родные края.

Дошло до нас две книги, повествующие об одисее экипажа Тёдзя-мару. Первая — *Бандан* (буквально, *Повесть о варварах* — японцы, как и китайцы старых времен, называли

¹⁸ В. М. Головинн, *Записки флота капитана Головинна о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах*. СПб., ч. 1, стр. 95–96. Здесь он пишет: “Японцы почитают русское писание такую же редкостью, как и мы восточные рукописи; они показали нам веер, на котором написано было четыре строки песни: *Ах! скучно мне на чужой стороне*; и подписано каким-то Бабиковым, бывшим здесь с Лаксманом. Тому 20 лет, как они здесь были, но веер чист и нов совершенно; хозяин оного хранит его в нескольких листах бумаги, и едва позволяет до него дотронуться...”

всех иностранцев варварами), составленный известным эдоским *кангакуся* Кога Кинъитиро в 1845–1846 гг. на основе рассказов Дзирокити, который был, кажется, наиболее изворотливым из уцелевших моряков.¹⁹ Вторая книга — *Токэй моногатари* (*Повесть о часах*), посвященная феодалу Маэда, владельцу пров. Эттю, т.е. родных краев несчастных моряков, которую написал в 1849–1850 гг. Эндо Таканори, естествовед, служащий клану Маэда, со своими учениками. Источником книги послужили, в этом случае, устные сообщения всех уцелевших моряков, Дзирокити в том числе. Название книги происходит от часов, которые подарил ситкинский директор Российско-Американской компании феодалу моряков Маэда.

Русская песня включена и в ту и в другую книгу. Запись песни, которая не во всех подробностях совпадает в двух книгах, более последовательна в *Токэй моногатари*. Приведем параграф, касающийся песни, из *Токэй моногатари*, который находится в четвертой главе “Охотск”:

Здесь есть песня, которую называют *горосу*. Ее поют постоянно и под пляс и в других случаях. Слова песни такие:

*Коборэра ямэромо сэридэсиномо суваямо исинэ ятэбья ниппондарау сосурэсувая
сутороно ниссосурэ сувая сутороно одзимзурутикэ хэсудорэтэ поросутэрэттэ
горотимой титориубэря ятибья.*

Поется она с мелодией.²⁰

Транскрипцию песни, записанную японской азбукой *катакана*, можно расшифровать следующим образом:

Говорила я милому
Сердечному своему
Если я тебе не по нраву
Сошли в свою сторону
Не сошли в свою сторону
Возьми в ручки пистолет
Прострели ты грудь мою ...
Что любила я тебя.

Судя по содержанию, надо предположить, что последняя строка взята из другого куплета.

В *Бандане*, вместе с объяснениями о песне, дана очень интересная картина, как она поется в самом деле:

¹⁹ Есть несколько частично не совпадающих рукописей *Бандана*. Одна из них хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Составитель Кога, через лет десять после этого, вел в качестве дипломатического советника переговоры с русским послом ад. Е. В. Путьгиным по установлению торговых отношений между двумя странами. Автор “Обломова”, который был личным секретарем адмирала, немного иронически отзываясь о нем. См. И. А. Гончаров, *Фрегат Паллада*, М., 1957, стр. 443.

²⁰ К. Икэда (ред.), *Нихон сёмин сэйкацу сирё сюэй* (*Сборник материалов о жизни простого народа Японии*), т. 5, Токио, 1968, стр. 116.

Среди народных песен Расэпу [по буддийской терминологии, бесовских гигантов, т.е. иностранцев или в этом случае европейцев—Ё.Н.] два рода напева: *сэнэ* и *горосу* [song и голос—Ё.Н.]. К *горосу* относится песня следующего содержания. Так как прошло немало лет, трудно перевести все слова: *Гоборэра* ...

Это песня о любви в той стране. По крайней непристойности слов, она сравнивается с китайскими серенадами. В самом разгаре пира, бывало, обольстительная варварка внезапно начинает петь звучным голосом и все гости ей подпевают. Одни же начинают играть на пианино и скрипке. А танцоры пускаются в пляс под песню подбоченившись. Топанье ногами идет под музыку. Совсем чудно видеть, как они прекрасно кружатся в танце.²¹

Здесь нет намека на место, где рассказчик Дзирокити слышал эту песню. Но из *Токэй моногатари* мы легко узнаем, что японские моряки познакомились с ней в Охотске, потому что редакторы помещают ее во главу “Охотск”. Там японцы прожили с августа 1841 г. до августа следующего года, и должно, имели случаи слышать эту песню.

В обеих книгах, параллельно с записью песни азбукой *катакана*, снабжен частично дословный перевод на японский язык. Но в нем очень много ошибок, и это значит, что этюские моряки, в отличие от Кодаю, не понимали правильно смысл песни.

Варианты песни, которая попала в Японию в 1843 г., можно встретить также и в сборнике русских народных песен М. Бернарда, изданном в 1847 г., и в другом сборнике М. Балакирева от 1866 г. В первом, песня начинается так:

Во слезах я засыпала
Дружка видела во сне
Я проснувши воздохнула
Закипела кровь во мне
Естли я тебе по нраву
Прекрати ты жизнь мою
Возми в ручки пистолетик
Прострели мне белу грудь
Я навеки буду спати
От любви от твоей ...²²

В книге Балакирева песня называется “Что на свете преждестоком”, а слова такие:

—Первый вариант—

1. И что на свете преждестоком
Прежестокая любовь!
Оставляет, покидает

²¹ Там же, стр. 174. Далее рассказывается в *Бандане* сцена, которую японские моряки видели в Ситке: “Танцовка в Ситке одевается в тонкую шелковую одежду с короткими рукавами, держит в руке кусок материи, кажущийся носовым платком, и покрывает себе голову белой тканью. Одежда ее так тонка, что можно видеть насквозь кожу.”

²² М. Бернард, *Песни русского народа, собранные и аранжированные для пения с аконпанем на ф-но*, СПб., 1847, стр. 4.

- Здесь в несчастной стороне.
2. Ах на несчастной /на/ сторон/к/е
Здесь травинька не растёт,
Ковыль-травинька не растёт,
Здесь цветочки не цветут.
 3. Ах говорила я милóму,
Любезнóму своему:
—“Если я тебе по нраву,
Вóзьми замуж за себя.
 4. Ах если я тебе по нраву,
Вóзьми замуж за себя,
Если тебе не по нраву,
Сошли на́ сву сторонú,
 5. И вóзьми в ручки пистолетик,
Прострели ты грудь мою,
Я навеки буду спат/и/
От любви от твоей,
 6. И приходи на гроб проститься
Ты с любовью моей,
Напиши на гробе надпись,
Что любила я тебя,
 7. И напиши на гробе надпись,
Что любила я тебя.
И любя не оставляла
По гроб сердца моего!”

—Второй вариант—

1. /Ах/ сторона, моя сторонка,
Незнакома, здешня́!
На тебе, моя сторонка,
Нету матери-отца.
2. /Ах/ на тебе, моя сторонка,
Нету матери-отца,
Нету матери-отца,
Нету милого дружка.
3. /Ах/ я вечóр с слезой заснула,
Дру́жка видела во сне,
Я милóму говорила
Любезнóму своему:
4. “/Ах/ если ты меня полюбишь,
Вóзьми замуж за себя,
Если ты меня не любишь,
Вóзьми в руки пистолет.
5. /Ах/ вóзьми в руки пистолет/ик/,

Прострели ты грудь мою,
А того, милый, довольно,
Что прикончил жизнь мою!
6. /Ах/ схороните моё тело
Прѣмеж трёх больших дорог:
Прѣмеж Питерской, Московской,
Ярославской стороны”...²⁸

Балакирев собрал эту песню в 1860 г. в Нижегородской (первый вариант) и в Рязанской губерниях (второй вариант). По его словам, песня эта относится к жанру протяжных народных песен, которые называются и *голосовыми* по местному поволжскому выражению. Вот почему японские моряки назвали русскую песню *горосу*.

Эттюские моряки, может быть, как и Кодаю, пели русскую песню перед японскими самураями-чиновниками и составителями *Бандана* и *Токэй моногатари*. Жаль, что японцы того времени не знали нотации и не могли зафиксировать мелодию песни. Напев песни в сборниках Бернарда и Балакирева отличается друг от друга. Никто не может сказать, на какую мелодию пелась песня “Говорила я милому”, которую японцы слышали в Охотске уже сто тридцать лет тому назад.

²⁸ Е. Гиппиус, М. Балакирев, *Русские народные песни ...* М., 1957, стр. 91–93. И в расшифровке записи *катакана*, и в указании на сборники русских народных песен, где включается песня “Говорила я милому”, большую помощь оказал мне Б. М. Добровольский. Без его помощи, я не смог бы написать эту статью.